

РАСКОПКИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII–XIII вв.

© 2018 г. Н.А. Макаров*, А.В. Энгватова**, В.Ю. Коваль***,
Р.Н. Модин****

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: nmakarov10@yandex.ru

** E-mail: engov@mail.ru

*** E-mail: kovaloka@mail.ru

**** E-mail: modin.roman@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2017 г.

В статье представлена стратиграфия зоны исследований на месте демонтированного корпуса № 14 Московского Кремля, где выявлен строительный горизонт первоначального собора Чуда Архангела Михаила в Хонех постройки 1365 г. Особенный интерес представляют древнейшие напластования этого участка, относящиеся к домонгольскому времени. Их датировка опирается на представительную серию радиоуглеродных дат, характерные вещевые находки, в том числе стеклянные браслеты, и массовый керамический материал. К домонгольскому времени относились крупные котлованы от погребов, маркирующие городскую застройку конца XII в. в этой части Кремля. Сделан вывод об изначально высоком статусе Москвы в сравнении с другими нестоличными городами Северо-Восточной Руси XII–XIII вв.

Ключевые слова: Московский Кремль, средневековые города, Чудов монастырь, археология домонгольской Москвы, стеклянные браслеты, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.31857/S086960630003391-9

Раскопки 2014–2017 гг. на территории восточной части Московского Кремля, в подвалах 14-го корпуса и на Ивановской площади, стали очередным шагом в постепенном накоплении археологических материалов о ранней Москве и истории освоения Кремлевского холма в средневековье. Сложности раскопок в центре Москвы, труднодоступность Кремля для археологов хорошо известны и объяснимы. Основным источником археологических данных о древнейшей части Москвы многие десятилетия оставались наблюдения и шурфовка на участках строительства и реставрации, организованные Музеями Московского Кремля, и лишь в отдельных случаях – охранные раскопки на ограниченных участках (Панова, 2013. С. 10–12).

На археологических планах Кремля до последнего времени были отмечены лишь два участка, изученные раскопами со вскрытием относительно широких площадей: на месте Дворца съездов (1959 г.), где спасательные археологические работы осуществлялись в экстренном режиме,

не позволявшем провести полный сбор находок и фиксацию стратиграфии сооружений; в Тайницком саду (2007 г., совместно ИА РАН и Музеи Московского Кремля), где был исследован влажный слой и городские усадьбы на Подоле, находившемся за пределами укрепленного поселения домонгольской эпохи. Третьим таким участком стали раскопы 2014–2017 гг. на месте корпуса № 14 (рис. 1). Новые исследования не дают ответов на многочисленные дискуссионные вопросы, касающиеся исторической топографии ранней Москвы, но существенно проясняют динамику освоения, характер застройки этой территории и облик культуры поселения на Кремлевском холме (Макаров и др., 2017. С. 7–27).

Для создания достоверной картины ранней истории Москвы важны как археологические материалы домонгольского и раннего золотоордынского времени, происходящие с территории Кремля и Китай-города, так и сравнительные материалы других городов Северо-Восточной Руси, менее затронутых урбанистическим раз-

Рис. 1. Историко-архитектурный план Кремля, на который нанесены места проведения раскопок 1959, 2007 и 2014–2017 гг.

Fig. 1. Kremlin historical and architectural plan, where the excavations of 1959, 2007 and 2014–2017 are indicated

витием последующих столетий. Для понимания реального облика древнейшего поселения на Кремлевском холме существенны результаты обследования городищ, оставшихся за пределами городской застройки позднейшего времени, находящихся в природном окружении, сохра-

нившем элементы исторического ландшафта XII–XIII вв. Важны и результаты спасательных раскопок в исторических городах, в которых удалось вскрыть большие площади и реконструировать элементы усадебной застройки и планировочных структур XII–XIII вв.

Средневековый культурный слой на участке корпуса № 14. Средневековые напластования и находки, возраст которых не моложе XIII в., были зафиксированы в восточной части Кремля, в зоне раскопок 2014–2016 гг.: в двух из восьми шурфов (№ 3 и 4); в раскопе 2014 г., во внутреннем дворе корпуса № 14 (основная часть культурного слоя здесь была переотложена, однако, частично сохранились ямы); в подвалах корпуса № 14, на участке, соответствующем центральной части Чудова монастыря. Вероятно, эти напластования изначально присутствовали и в других точках, но оказались полностью уничтоженными при строительных работах (в двух шурфах) или недоступными для вскрытия из-за остатков построек XVI–XIX вв. Для понимания общей стратиграфической ситуации наиболее важен шурф 4, заложенный на Ивановской площади, на южном углу Алексеевской церкви Чудова монастыря, где вся пятиметровая толща культурных напластований осталась ненарушенной (рис. 2). Темно-серая гумусированная супесь и прослойки песка, включавшие обломки стеклянных браслетов и керамику с характерной для домонгольского времени профилировкой, залегают здесь на глубине 4.6 м, мощность слоя — около 60 см (рис. 2, 2). Однако исследовать ранний слой здесь удалось лишь на площади 16 м². Сходная стратиграфическая ситуация, но с более мощным домонгольским слоем, была зафиксирована в 1963–1965 гг. Н.С. Шеляпиной при наблюдениях в районе Патриарших палат и ц. Двенадцати апостолов (1971. С. 117–153).

Основным местом исследования средневековых отложений стали подвалы корпуса № 14, вскрытые на площади 384 м². Первые раскопки в одном из помещений показали, что под бетонной стяжкой пола 1929–1932 гг. залежали средневековые культурные напластования, оставшиеся непо потревоженными при строительстве школы командиров Рабоче-крестьянской Красной Армии. Культурный слой здесь сохранился на незначительную мощность — от 20 до 80 см, поскольку основная его часть была срезана при строительстве 1930-х годов. Он содержал, главным образом, керамику и вещевые находки XII–XIV вв. (1257 предметов). Лучше всего сохранилась самая нижняя часть культурных отложений, к которой относились более 130 заглубленных в материк ям и сооружений XII–XIV вв. При этом следов жилых или хозяйственных построек XV–XVII вв. было немного: в раскопах зафиксировано всего по одной яме XV и XVI вв., содержавших быто-

вой и строительный мусор, а также шесть частично сохранившихся нижних частей фундаментов монастырских построек XVI в. и 120 погребений монастырского некрополя конца XIV — XVII в. Таким образом, плотность погребений составляла примерно одно захоронение на 3 м² площади раскопов. Это достаточно высокая плотность, хотя не все участки были заполнены погребениями равномерно, а в ряде мест захоронения были многоярусными. Зафиксированы случаи размещения погребений в два-три яруса, хотя можно думать, что до срезки грунта в 1930-х годах количество ярусов было больше.

Древнейший культурный слой XII–XIV вв. в центральной части Чудова монастыря был нарушен не только стройкой 1930-х годов, но также ранним монастырским строительством и погребениями, тем не менее на отдельных участках он остался практически нетронутым и сохранил первоначальное стратиграфическое строение и выразительные следы домонастырской жилой городской застройки (рис. 3). Мощност культурных напластований увеличивалась в южной части вскрытого раскопками участка, где отчетливо фиксировалось их сложное литологическое строение (Макаров и др., 2017. Рис. 5, б). Заметно оно было и в других местах, особенно там, где происходило проседание заполнения котлованов построек домонгольского времени (я. 33, 47 и 50) и, соответственно, ускоренное накопление культурных остатков в образующившихся западинах (рис. 3). Благодаря этим просадкам удалось зафиксировать стратиграфию XIII–XV вв., которая на всей остальной площади подвалов корпуса № 14 была уничтожена строительством начала 1930-х годов. Сами просадки объяснялись, вероятно, тем, что на дне котлованов в свое время залежали большие массы органики, постепенно уплотнявшейся и разрушавшейся микроорганизмами. По мере исчезновения органической составляющей мощность заполнения уменьшалась, и в образующившихся на месте котлованов западинах культурный слой усиленно накапливался. Такой процесс продолжался на протяжении всего XIII и первой половины XIV в. Не остановился он и позже, что видно по залеганию погребений, деформировавшихся вместе с проседавшим слоем: в некоторых случаях разница отметок между противоположными краями захоронений достигала 1 м. Такие случаи происходили, когда один край могильной ямы располагался над бортом котлована, а другой — над его внутренней частью, подвергавшейся про-

Рис. 2. Юго-западный профиль шурфа 4, заложенного на Ивановской площади Московского Кремля. 1 – общий вид; 2 – стратиграфия нижней части отложений.

Fig. 2. Southwest section of pit 4, excavated on the Ivan Square of the Moscow Kremlin

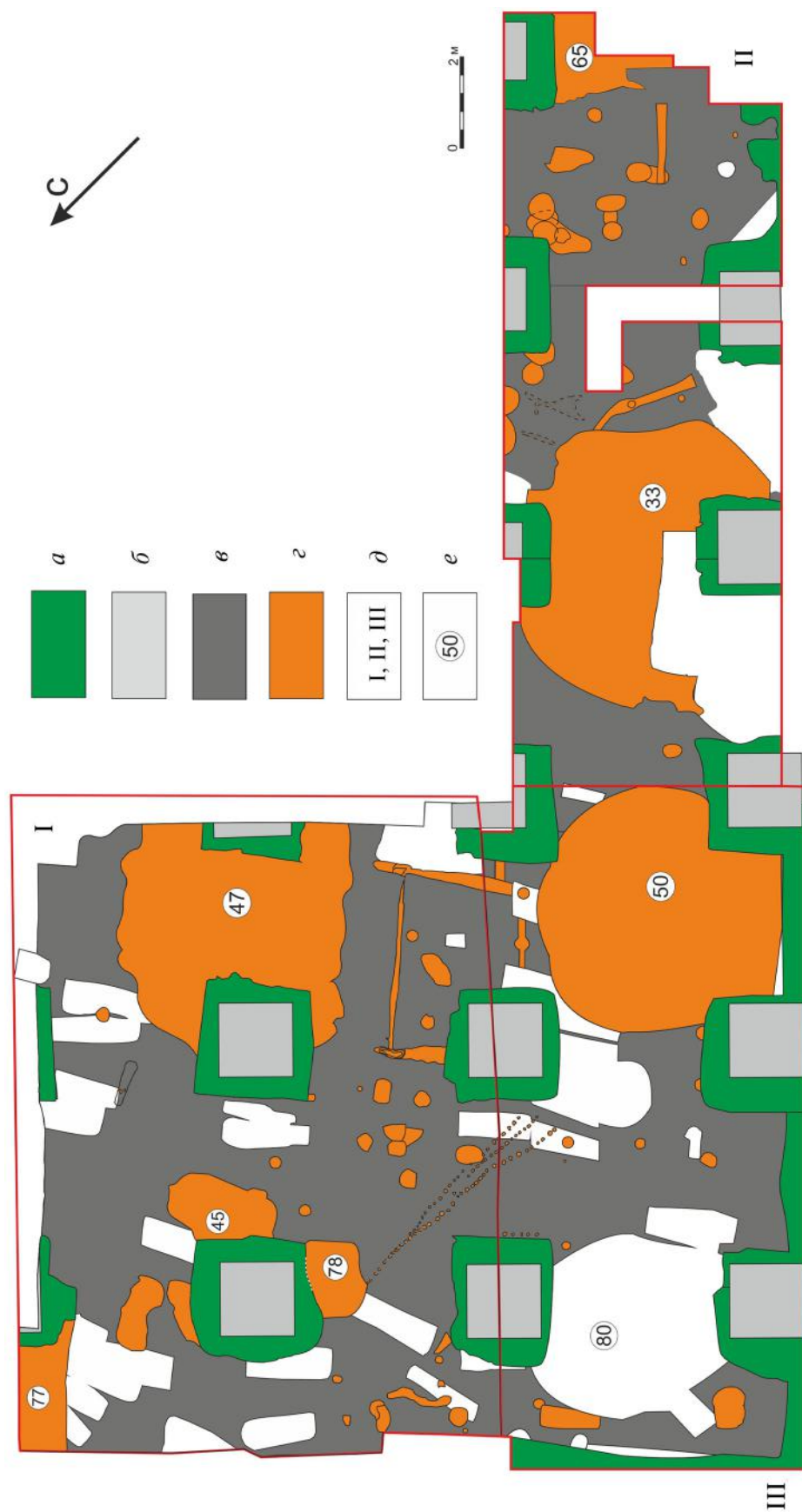

Рис. 3. Сводный план раскопов в подвале корпуса № 14 с обозначением наиболее ранних слоев и объектов. Условные обозначения: а — перекопы XX в.; б — белокаменные базы колонн 1930-х годов; в — культурный слой конца XII — первой половины XIII в.; г — ямы и котлованы построек домонгольской эпохи; д — номера раскопов; е — номера объектов (ям).

Fig. 3. Summary plan of excavations in the basement of building № 14, with the indication of the earliest layers and objects

седанию. Проседание заполнения котлованов происходило вплоть до современной эпохи: при вскрытии полов помещений под ними на участках я. 33 и 47 размещались полости высотой от 30 до 70 см. В случае с я. 33 произошло вертикальное смещение грунтов на площади более 5 м².

Важнейшим стратиграфическим и хронологическим репером на исследованных участках являются горизонты строительного мусора — чистого белокаменного щебня (что очень важно — без малейших включений кирпича) толщиной от 2 до 15 см, наблюдавшиеся в упомянутых просадках культурного слоя. В двух котлованах сохранились по два таких горизонта (я. 47 и 50), в одном — три (я. 33) (рис. 4). Совершенно очевидно, что некогда горизонты белокаменного строительства (или разборки белокаменных зданий) залегали по всей площади раскопов. В этом убеждает присутствие белокаменной крошки в заполнении почти всех погребений монастырского некрополя (исключения составляли лишь несколько могил в северном углу вскрытой площади, т.е. на максимальном удалении от площадки строительства Михаилоархангельского собора). Очевидно, что при вырывании могил прослойки строительного мусора нарушались, а при их засыпке перемешанный материал с включениями белокаменной крошки попадал обратно в вырытые могильные ямы. Подобные горизонты белокаменной крошки зафиксированы в последние годы в шурфах и раскопах вблизи более ранних (домонгольских) белокаменных храмов Владимиро-Суздальской Руси: ц. Бориса и Глеба в Кидекше, Спасо-Преображенского собора в Переславле и ц. Рождества Богородицы в Боголюбове. В Московском Кремле прослойка белокаменной крошки, связанная со строительством белокаменной крепости 1366–1368 гг., была прослежена в 2007 г. в Тайницком саду в раскопе 2 (Кренке и др., 2016. С. 114. Рис. 2).

Между горизонтами белокаменной крошки залегали небольшие по мощности прослойки культурного слоя, представленные серой супесью, очень слабо насыщенной гумусом и культурными остатками (кости, керамика). Керамика из этих прослоек была сильно измельчена и включала образцы XII–XIV вв., т.е. представляла собой материал из более ранних слоев, поэтому использовать ее для датировки этих отложений невозможно. Чтобы подойти к решению вопроса о датировке строительных горизонтов,

следует обратиться к слоям, залегающим под ними.

Сразу под нижним строительным горизонтом во всех перечисленных выше котлованах с просадками слоя сохранились достаточно мощные (от 20 до 60 см) отложения, насыщенные углем, печиной и древесным тленом (“слой В” по полевой стратиграфической шкале). В котловане я. 33 эти отложения включали сгоревший бревенчатый настил (возможно, остатки крупной наземной постройки), по углю из которого в разных лабораториях были получены две радиоуглеродные даты. Очень важно, что эти даты практически полностью совпали, указывая на интервалы (по двум сигмам) в пределах 1310–1430 и 1293–1398 гг. (Макаров и др., 2017. Табл. 1. № 1, 6). При этом AMS-датирование (вторая из указанных дат), видимо, имело большую точность. Наконец схожую дату (ГИН-15517А) показала и угольная прослойка, сохранившаяся в отложениях под слоем строительства в другом месте на площади исследований в я. 50 (Макаров и др., 2017. Табл. 1. № 4)¹. Даже если здесь имеют место следы не одного и того же, а разных (но близких по времени) пожаров, можно полагать, что удалось зафиксировать следы бедствий, уничтожавших деревянную Москву, включая Кремль, в первой половине — середине XIV в.: в 1331 (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 202), 1335 (Новгородская первая летопись по Синодальному списку, 1841. С. 77), 1337 (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 205), 1343 (Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 209), 1354 (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 9) или 1365 гг. (Рогожский летописец, 1922. С. 80).

Учитывая, что нижний (1) горизонт белокаменного строительства в я. 33 залегал практически поверх обугленной конструкции (рис. 4, 1), логично рассматривать его как следы строительства собора Чуда Архистратига Михаила в 1365 г. (Симеоновская летопись, 1913. С. 103). В этом случае средний (2) строительный горизонт может связываться с ремонтом (или перестройкой?) собора в середине XV в., а верхний (3), наиболее мощный, — с ремонтом, произведенным незадолго до полной перестройки собора в 1501–1503 гг. (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 240, 243).

¹ В первой публикации в маркировку образца (табл. 1, № 4) вкралась ошибка: он происходил из р. III, а не II, как значится в таблице.

Рис. 4. Прослойки строительного мусора (белокаменных отесков и извести), просевшие в котлован постройки домонгольского времени (я. 33). *I* – на горизонтальной зачистке; *II* – на вертикальном разрезе. Горизонты белокаменных отесков: *I* – нижний; *2* – средний; *3* – верхний.

Fig. 4. Layers of building rubbish (white-stone fragments and limestone), sank in the foundation pit of the Pre-Mongolian construction (pit 33)

Всего в прослойках, залегающих между строительными горизонтами, было зафиксировано 32 вещевые находки, важная из которых — медная монета — тверской пул князя Михаила Борисовича (1461–1485 гг.) (Гайдуков, 1993. С. 51, 56, 160, 243. № 83)². Монета найдена при ручной переборке слоя, залегающего между самым верхним (3) и средним (2) строительными горизонтами. Среди остальных находок преобладали обломки железных предметов и вещи, не обладающие признаками узко датирующих (например, овальное железное кресало). Однако следует подчеркнуть, что среди них нет таких вещей, которые не вписывались бы в предложенную хронологию строительных горизонтов. Важно также упомянуть несколько предметов, обнаруженных в прослойке, отложившейся между формированием нижнего и среднего строительных горизонтов (т.е. во временном интервале от 1365 г. до середины XV в.). Это уже публиковавшаяся фламандская текстильная пломба XIV в. (Макаров и др., 2017. Рис. 6, 2), бронзовая матрица в виде полушария диаметром 1 см и обломок золотоордынской кашинной чаши с полихромной подглазурной росписью и росписью ангобом (рис. 5, 1), имеющей многочисленные аналогии как на территории Руси, так и в золотоордынских городах Поволжья. На подобных чашах роспись выполнялась темно-зеленой, синей и бирюзовой красками, рисунок состоял из рядов стилизованных ныряющих рыбок изнутри и столь же сильно стилизованных лепестков лотоса на внешней поверхности чаши (Коваль, 2010. Ил. 33, 1; 35, 2, 3, 6). Производство таких чаш началось около середины XIV в. и завершилось в конце XIV. Интересна еще одна находка из этой же прослойки — обломок красноглиняной поливной чаши русского производства, копировавшей форму золотоордынских чаш-пиал (рис. 5, 2). Чаша изготовлена из массы с примесью песка и мелкой дресвы, прошла неполный (трехслойный, с серой сердцевинной черепка) обжиг и была покрыта зеленой непрозрачной поливой целиком, т.е. включая поддон. До сих пор в Москве была известна только одна подобная чаша, также найденная в Кремле при шурфовке у Патриарших палат (Шеляпина, 1971. С. 120. Рис. 4).

Таким образом, находки из слоев 1365–1501 гг., хотя и крайне немногочисленные, все же доста-

точно выразительны и не противоречат датам строительных остатков. Если же предлагаемые построения верны, нижний горизонт белокаменного строительства позволяет установить 1365 г. как *terminus ante quem* для всех отложений, залегающих ниже нее. Это чрезвычайно важный хронологический репер для исследования ранних слоев на данном участке.

Как уже отмечалось выше, горизонты белокаменного строительства перекрывали в котлованах домонгольских построек гумусированные слои, насыщенные органикой, древесным тленом и включавшие в верхней части прослойки пожаров первой половины XIV в. Общая мощность таких отложений достигала 1 м. Самую нижнюю часть этой свиты составлял слой, насыщенный древесным тленом, на некоторых участках определявшийся как остатки перегнившей щепы с многочисленными находками крупных обломков стеклянных браслетов. В южной части исследованной площади (на р. II) остатки этого слоя фиксировались прямо под бетонным полом подвала. Следует заметить, что в прослойках, залегающих между этим слоем и горизонтом пожара XIV в., стеклянные браслеты также встречались, но существенно реже и были, как правило, измельченными. В целом 434 обломка³ стеклянных браслетов, собранных на раскопах I–III в 2016–2017 гг., стратиграфически распределяются следующим образом: слой А — могильные перекопы — 43 шт. (10%); слой Б — горизонты белокаменного строительства — 8 шт. (2%); слой В — гумусированные прослои под горизонтами строительства, а также ямы, выходящие из этих прослоев, — 300 шт. (70%), в том числе, нижняя прослойка этой свиты — 158 шт. (36%); слой Г — песчанистые отложения над материком, а также придонные части котлованов построек — 81 шт. (18%).

Совершенно очевидно, что очень небольшая по мощности прослойка (нижний горизонт “слоя В”), толщина которой даже в просадке слоев в я. 50 не превышала 30 см, содержала более 1/3 всех находок стеклянных браслетов с раскопов, т.е. в ней концентрация обломков браслетов на единицу объема грунта достигала максимального значения. Именно в этой прослойке залежали наиболее крупные обломки изделий. Что позволило еще в процессе раскопок предвари-

² Определение член-корр. РАН П.Г. Гайдукова, которому выражаем признательность за содействие.

³ В первой публикации стеклянных изделий этих раскопок (Столярова, Коваль, 2017) были учтены только находки 2016 г.

Рис. 5. Вещевые датированные находки. 1 – чаши кашинной золотоордынской обломки; 2 – чаши поливной обломки; 3 – пломба; 4–6 – бусы; 7, 8 – ключи; 9 – пряслице; 10, 12 – браслет и обломок браслета; 11 – перстнеобразное височное кольцо; 13 – наконечник стрелы. 1, 2 – керамика; 3, 6, 10–12 – цветной металл; 4, 5 – стекло; 7, 8, 13 – железо; 9 – камень.

Fig. 5. Dating finds

тельно связывать отложение этого слоя с финалом домонгольского времени, т.е. с первой половиной XIII в. Последующие исследования не дали оснований для пересмотра этого предположения. Специальное изучение всего комплекса стеклянных браслетов из раскопок 2016 г. только укрепило уверенность в допустимости такой датировки (Столярова, Коваль, 2017).

К тому же периоду (первой половине — середине XIII в.) принадлежали несколько материковых ям, в заполнении которых также были собраны крупные обломки стеклянных браслетов. Интересна в этом смысле я. 78 на р. I (рис. 3), в заполнении которой в числе 44 находок встречены 25 обломков стеклянных браслетов, 6 мелких фрагментов от нескольких стеклянных сосудов из бесцветного стекла и свинцовая пломба (рис. 5, 3). Многие стеклянные изделия сильно иризованы или расстеклованы, такая низкая сохранность стекла характерна для продукции первой половины XIII в.

Стратиграфически наиболее ранние отложения культурного слоя на площади пройденных раскопок (“слой Г”) состояли из чередовавшихся линз перемешанного материкового песка (иногда толщиной до 20 см), прослойки гумусированного грунта (темно-серой и серой супесей) и древесной щепы, а также отдельных угольно-зольных прослоек (Макаров и др., 2017. Рис. 5, Б; 7). Песчаные линзы практически не содержали ве-

щевого и керамического материала и, вероятно, представляли собой грунт, выброшенный из котлованов, вырытых в материке. К этому же стратиграфическому горизонту принадлежали пять врезанных в материк крупных котлованов построек и другие заглубленные сооружения (см. ниже). Непосредственно на материке залегала погребенная почва, представлявшая собой серый гумусный слой толщиной всего 3–4 см, местами с неровной, зубчатой нижней границей, возникающей при обработке почвы лопатами; под ней сохранилась остаточная часть исходного подзола. Вероятно, заселению участка предшествовал период освоения его под огороды, после которого верхняя часть почвы была сильно подрезана.

Не вызывает сомнений присутствие материалов домонгольского времени в нижней части культурного слоя. Таким образом, период жизни продолжительностью 50–100 лет оставил культурные отложения не более 80 см, а на многих участках — еще более скромные. Относительно малая (40–150 см) толщина культурных отложений домонгольского времени на верхних террасах, на площадках, защищенных оборонительными сооружениями, — общая черта, характеризующая многие города Северо-Восточной Руси, возникшие в XII в. В последние годы подобная ситуация убедительно документирована на Клещине, в Осовце, Гороховце, Боголюбове. Но и во многих крупных городах (Владимир, Суздаль, Переславль, Городец Радиллов) домон-

Таблица. Вещевые датирующие находки

Table. Dating finds

Категории вещей (целые предметы и фрагменты)	Всего находок	В том числе, из слоев и ям домонгольского времени
Амфоры	4	0
Браслеты пластинчатые и витые из медных сплавов	11	5
Бубенчик шарообразный линейнопрорезной	1	1
Бусы стеклянные	16	9
Височные кольца перстнеобразные	4	2
Височные кольца семилопастные	1	1
Днища с клеймами	21	11
Замки цилиндрические	16	7
Ключи типа Б	2	2
Крест-энколпион	1	1
Перстни из медных сплавов	3	2
Пряслица шиферные	4	1
Сосуды стеклянные	35	20
Фибула подковообразная	1	1
Бипирамидальная бусина из цветного металла	1	1

гольский слой имеет небольшую мощность. Наблюдения о небольшой мощности культурного слоя в восточной части Московского Кремля соответствуют картине, зафиксированной в других городских центрах. Неожданная сохранность стратиграфического строения этих отложений в перспективе открывает возможность реконструкции отдельных эпизодов освоения и застройки городской территории.

Древнейший вещевой материал и керамика. К числу датирующих предметов, относившихся преимущественно к домонгольской эпохе, за исключением стеклянных браслетов, рассмотренных выше, относились еще 15 категорий вещей, при этом из них исключительно к домонгольской эпохе — фибула (Макаров и др., 2017. Рис. 1, 3), отдельные типы стеклянных бус (рис. 5, 4, 5), бипирамидальная бусина из белого металла (рис. 5, 6), копирующая форму горнохрустальных и сердоликовых бус, ключи от замков типа Б (по новгородской классификации Б.А. Колчина) (рис. 5, 7, 8), а также бронебойный наконечник стрелы типа 85 по А.Ф. Медведеву (рис. 5, 13). Все остальные изделия, включая пряслица из овручского шифера (пирофиллита) (рис. 5, 9) и височные кольца (рис. 5, 11), могли использоваться и выпадать в культурный слой и некоторое время после 1238 г. Тем не менее совершенно очевидно, что основное время массового бытования таких вещей приходится на период до монгольского нашествия.

При этом нарушенность ранних отложений многочисленными могильными перекопами создавала условия для вертикального перемещения ранних находок и попадания их в более поздние слои. Именно так случилось с обломками византийских амфор — все четыре их находки были зафиксированы в контекстах, не связанных с домонгольскими слоями. Между тем, хорошо известно, что после середины XIII в. импорт амфор на Русь если не прекратился вообще, то сократился почти до нуля. При этом во второй половине XIII в. изменились и морфологические характеристики византийских амфор, что позволяет уверенно отличать домонгольские импорты от более поздних. В данном случае все характеристики зафиксированных обломков принадлежат самой массовой группе (I) амфорных импортов XII — первой половины XIII в., связываемых происхождением с византийским Трапезундом (Коваль, 2010. С. 152—157). Скорее

всего, в поздние слои обломки амфор попали именно из домонгольских напластований.

Видимо, такова же была археологическая судьба и пряслиц из овручского сланца (шифера), среди которых только одно было найдено в домонгольском контексте, а остальные три — в переотложенном состоянии. В то же время половина находок стеклянных бус, обломков браслетов из медных сплавов (рис. 5, 10, 12) и фрагментов стеклянных сосудов обнаружена именно в контекстах конца XII — первой половины XIII в. Происходил, конечно, и обратный процесс проникновения поздних вещей в более ранние слои, но количество таких перемещений было невелико, а благодаря фиксации всех, даже самых небольших перекопов, их удавалось уверенно определять. Лишь мелкие и при этом тяжелые вещи могли просочиться в ранние контексты, не оставив читаемых следов своего дрейфа вниз по профилю: например, западноевропейская текстильная пломба (без изображений, т.е. неатрибутируемая), обнаруженная в песчаных слоях домонгольского генезиса на р. II (полевой № 296).

Возвращаясь к весьма показательным своей массовостью находкам стеклянных браслетов, наблюдаем ситуацию, показанную выше на примере стеклянных бус и медных браслетов, 55% этих браслетов найдены в слоях домонгольского времени, остальные — в более поздних отложениях, в том числе, в слоях второй половины XIII — первой половины XIV в. (1/3 находок). Разумеется, невозможно утверждать, что все эти обломки попали в слои золотоордынского периода исключительно из-за перекопов или горизонтальных перемещений грунта по городской территории (планировочных работ), однако то, что это были основные причины, доказывается измельченностью поздних (по месту обнаружения) обломков браслетов. Нельзя исключать и продолжения бытования какого-то числа стеклянных браслетов после 1238 г., но едва ли число таких изделий могло быть существенным.

Подводя итог обзору вещевых материалов раскопа, отметим, что в целом этот корпус источников полностью соответствует тем реалиям, которые признаются характерными именно для домонгольской эпохи в центральных районах Руси. Распределение ранних находок по площади исследований (рис. 6) показывает, что они покрывают ее довольно равномерно. Повышенные концентрации фиксируются в тех местах, где

Рис. 6. Схема раскопов I–III с обозначением основных датированных находок в слое домонгольской эпохи. Квадраты с находками стеклянных браслетов (шт.): 1 – 1-2; 2 – 3-9; 3 – 10 и более. Места находок: а – шиферных пряслиц; б – обломков византийских амфор; в – обломков стеклянных сосудов; г – височных колец; д – браслетов из цветных металлов; е – подковообразной фибулы; ж – ключей типа Б; з – обломка креста-энколпиона. Условные обозначения: А – перекопы 1930-х годов; В – базы колонн 1930-х годов.

Fig. 6. Plan of excavations I–III with indication of the general dating finds in the Pre-Mongolian layer

размещались ямы и котлованы построек домонгольской эпохи, а отсутствуют они там, где культурный слой был срезан строителями до материка (в северной части раскопа I).

Среди исследованного весьма многочисленного керамического материала полностью отсутствовали образцы, соотносящиеся с XI и первой половиной XII в.: раннекруговой керамики XI в. с манжетовидными венчиками и краями, обработанными срезом. Сосуды, орнаментированные зубчатым штампом-колесиком, были представлены единичными обломками (такой декор характерен для керамики первой половины XII в., но встречается и позже — вплоть до конца XIV в.).

Наиболее ранние керамические комплексы, сформировавшиеся на исследованном пространстве восточной части Кремля, можно связывать с последней четвертью XII — началом XIII в. К сожалению, был зафиксирован лишь один полный профиль маленького горшка, а остальной материал был представлен обломками красноглиняных горшков из формовочных масс с примесями мелкой (редко — крупной) некалиброванной дресвы из кварцитов пород камня. Такие горшки формовались исключительно на зольных подсыпках, украшались почти исключительно линейным орнаментом и различались только формами венчиков. При этом преобладали отогнутые наружу венчики с массивными валиками на краю (типов 8 и 8а и по принятой системе фиксации керамического материала⁴), их суммарная доля составляла в комплексах 55% (рис. 7). При этом в тех же комплексах стабильно присутствовали в заметном числе (15–22%) венчики типа 1 в виде конической или слегка раструбной воронки (рис. 8). Обе эти разновидности венчиков характерны для керамики подмосковных курганов предмонгольского времени (Равдина, 1991. Табл. 13–16), но столь же широко были представлены и в материалах всех прежних раскопок на тех участках Кремля, где удавалось вскрыть культурный слой домонгольской эпохи (Шеляпина, 1971. Рис. 7; 19). Точно такой же облик имела керамика поселений, непосредственно примыкавших к Кремлевскому холму, например, поселения на месте позднейшего Романова двора (Кренке, 2009. Рис. 176–197). Керамику подобного вида в археологии Москвы

традиционно называют курганной, подразумевая ее внешнее сходство с сосудами, устанавливавшимися в подкурганные погребения. Разумеется, керамическая посуда, обнаруживаемая при раскопках в Кремле, не предназначалась для ритуальных нужд, а использовалась в повседневном быту и была изготовлена, несомненно, в самом городе, а не привезена со стороны. Таким образом, полученный керамический материал полностью соответствовал уже имеющимся данным относительно московской керамики домонгольской поры.

Древнейшие сооружения. С нижним горизонтом культурного слоя связаны пять крупных котлованов со сторонами — до 5.5 м, глубиной — до 2 м (рис. 3). Из них только три вошли в раскопы целиком, а два уходили за пределы зоны с сохранившимся культурным слоем. Два котлована (я. 33 и 47) не могли быть исследованы полностью, поскольку их перекрывали фундаменты построек Чудова монастыря, подлежащие сохранению и музеефикации. Поэтому только один котлован (я. 50) был исследован на значительной площади до материкового дна. Исследования показали, что в котловане некогда находился погреб со столбовой конструкцией крепежа стенок. Очевидно, этот погреб был в какой-то момент разобран и засыпан, а сам котлован после этого — частично присыпан песком с включениями культурного слоя и столь долго стоял под открытым небом, что его материковые стенки начали осыпаться. При всем том в этой песчаной засыпке присутствовало значительное количество костей животных (425 шт.), обломков керамики (580 шт.) и вещевых находок (13 экз., в том числе 8 обломков стеклянных браслетов).

Следы отопительных сооружений в заполнении этого погреба не встречены, поэтому можно предполагать, что его перекрывала жилая постройка еще более крупных размеров (8 x 8 м или более), в которой печь стояла в стороне от заглубленной части. Вероятно, аналогичным образом могли выглядеть и остальные конструкции, следами которых были рассматриваемые котлованы. Судя по находкам из заполнения котлованов (керамика и обломки стеклянных браслетов), а также стратиграфическим наблюдениям, погреб прекратил свое существование не позднее первых десятилетий XIII в., а впоследствии в образовавшиеся ямы проседали культурные слои первой половины XIII — XV в. Очевидно, с выбросами именно из этих котлованов связа-

⁴ Статистическая обработка керамики проводилась в соответствии с методическими рекомендациями ИА РАН (Коваль, 2015).

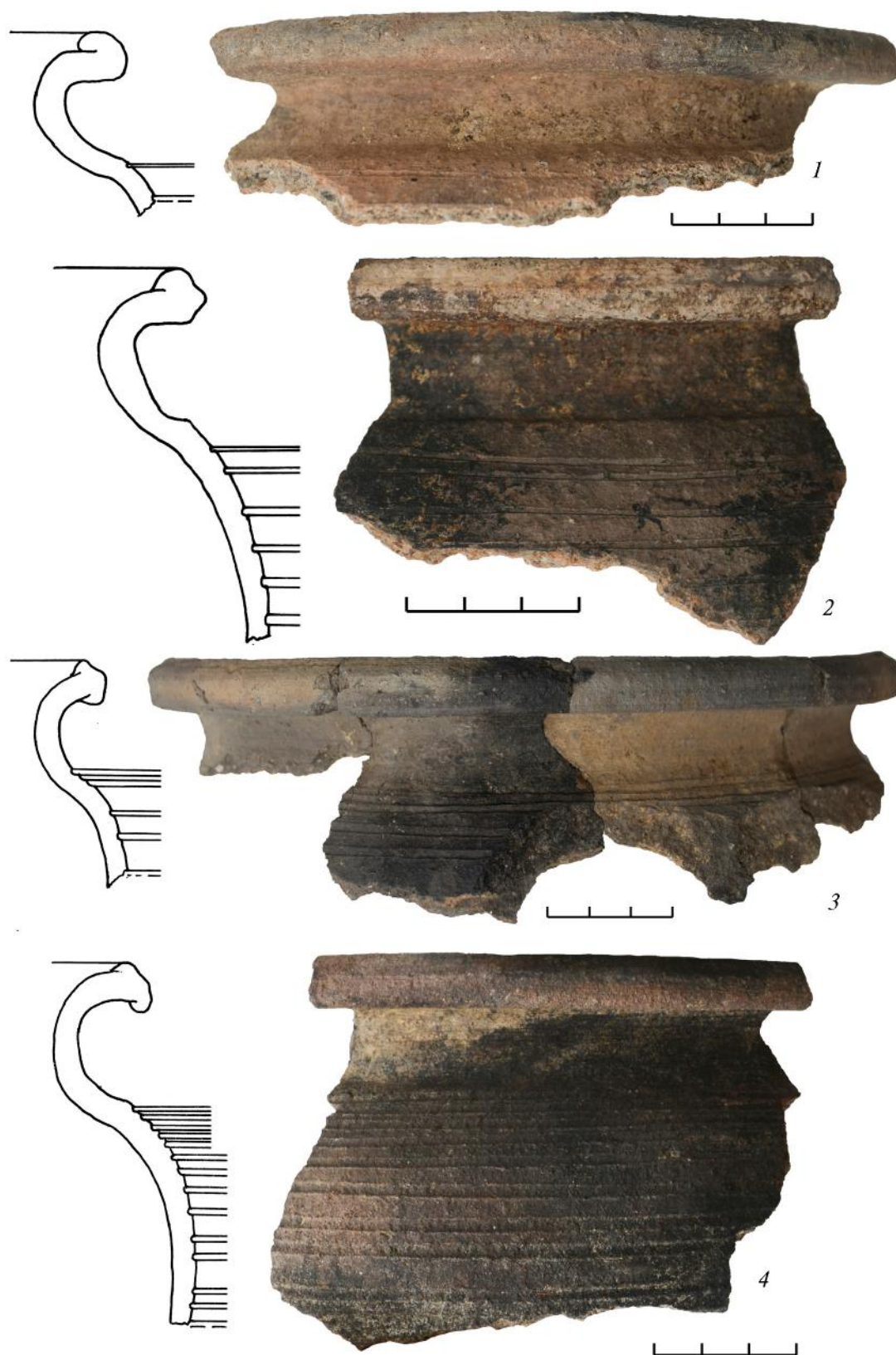

Рис. 7. Керамика из слоев и комплексов домонгольской эпохи: венчики горшков типов 8 (1, 2), 8а (3, 4).

Fig. 7. Pottery from the Pre-Mongolian layers and complexes: rims of the pots of types 8 (1, 2) and 8a (3, 4)

ны прослойки материкового песка толщиной 10–20 см, перекрывающие погребенную почву на всей исследованной площади.

К числу древнейших сооружений на исследованной территории относились и небольшие материковые ямы и несколько десятков столбовых ям, а также частокольные канавки, часть которых соответствует по своему направлению ориентировке котлованов-погребов (рис. 3). Имеется и трасса ограды в виде линии мелких ямок от забитых в материк жердей диаметром около 5 см. Такие следы могли быть оставлены оградой типа плетня. Частокольные канавки достаточно коротки и не могут рассматриваться как остатки частоколов, ограждавших усадьбы, тем более что они прорезаны большими котлованами погребов. Скорее всего, и плетень, и частоколы относятся к периоду первоначального освоения участка, когда на нем еще не возникла застройка крупными домами, однообразно ориентированными по линии СЗ–ЮВ.

К древнейшему периоду относятся и несколько небольших по площади материковых ям (23, 78 и др.) (рис. 3), содержащих в заполнении домонгольский материал, в том числе стеклянные браслеты. По углю из я. 23 получена радиоуглеродная дата в интервале 1215–1280 гг. (Макаров и др., 2017. Табл. 1. № 2, Le-11383). Вероятно, эти ямы также размещались в древности под наземными срубными постройками.

Вещевая и радиоуглеродная датировка. Вещевая коллекция из раскопов в подвалах корпуса № 14 содержит представительную серию датирующих вещей XII–XIII вв., бытование которых связано, преимущественно, с домонгольским временем. На современном этапе изучения хронологии средневековых древностей очевидно, что многие из этих типов продолжали бытовать и во второй половине XIII в. В коллекции из раскопов в подвалах сравнительно немного вещей, принадлежащих к типам, верхняя граница бытования которых строго ограничена первой третью XIII в., однако, состав датирующих вещей из нижних горизонтов определенно указывает, что они формировались в домонгольское время. Как уже отмечалось, для датирования нижнего культурного слоя важно распределение находок стеклянных браслетов. Основная масса их (70%) происходит из слоя В, непосредственно перекрытого горизонтом строительства собора, лишь 18% — из нижнего слоя Г, лежавшего на материке. Таким образом, на исследованном

участке нет “добраслетного” культурного слоя, идентифицированного на некоторых участках Московского Кремля (в частности, в раскопах на месте Дворца съездов и в шурфах в районе ц. Двенадцати апостолов и Патриаршей палаты: Шеляпина, 1971; Кренке и др., 2016), но отмечена преимущественная связь стеклянных браслетов с горизонтами, формировавшимися спустя определенное время после первоначального освоения территории. Присутствие среди находок подковообразной фибулы, относящейся к типу, бытование которого определяется в интервале второй половины X — первой четверти XII в., не может быть аргументом в пользу удревнения общей даты нижнего культурного слоя до этого времени, но существенно как указание на возможное первоначальное освоение территории уже во второй половине XII в.

Для определения хронологических позиций культурных напластований, перекрытых строительными прослойками, содержащими белокаменные отески, важны радиоуглеродные даты, полученные по образцам угля и древесного тлена из культурного слоя, сделанные в лабораториях радиоуглеродного датирования Института истории материальной культуры РАН, Геологического института РАН, Оксфордского университета и в Лаборатории изотопных исследований университета Джорджии (Center for Applied Isotope Studies, University of Georgia — CAIS). Суммарные интервалы четырех из них охватывают период между концом XIII — XIV и началом XV в. (1280–1405 гг. при калибровке 2σ), суммарный интервал трех других — 1220–1270 гг. (Le-11383, Le-11463, UGAMS-26047, калибровка 2σ) (Макаров и др., 2017. Табл. 1). Таким образом, зафиксировано формирование культурных отложений в восточной части Кремлевского холма в середине XIII и в XIV в.

Четыре наиболее ранние даты получены по образцам, происходящим из нижней части заполнения котлованов подполий (я. 47, 1052–1260 AD, калибровка 2σ, ГИН-15517; я. 50, 1023–1214 AD, калибровка 2σ ГИН-15517А), и из углистых прослоек в нижних горизонтах гумусированного слоя (суммарный интервал 1165–1260 AD, ОхА-35667, ОхА-35669, калибровка 2σ). Эти даты не дают возможности уточнить время появления первоначальной застройки в восточной части Кремлевского холма, но позволяют отнести это событие к интервалу между последней третью XII и первыми десятилетиями XIII в.

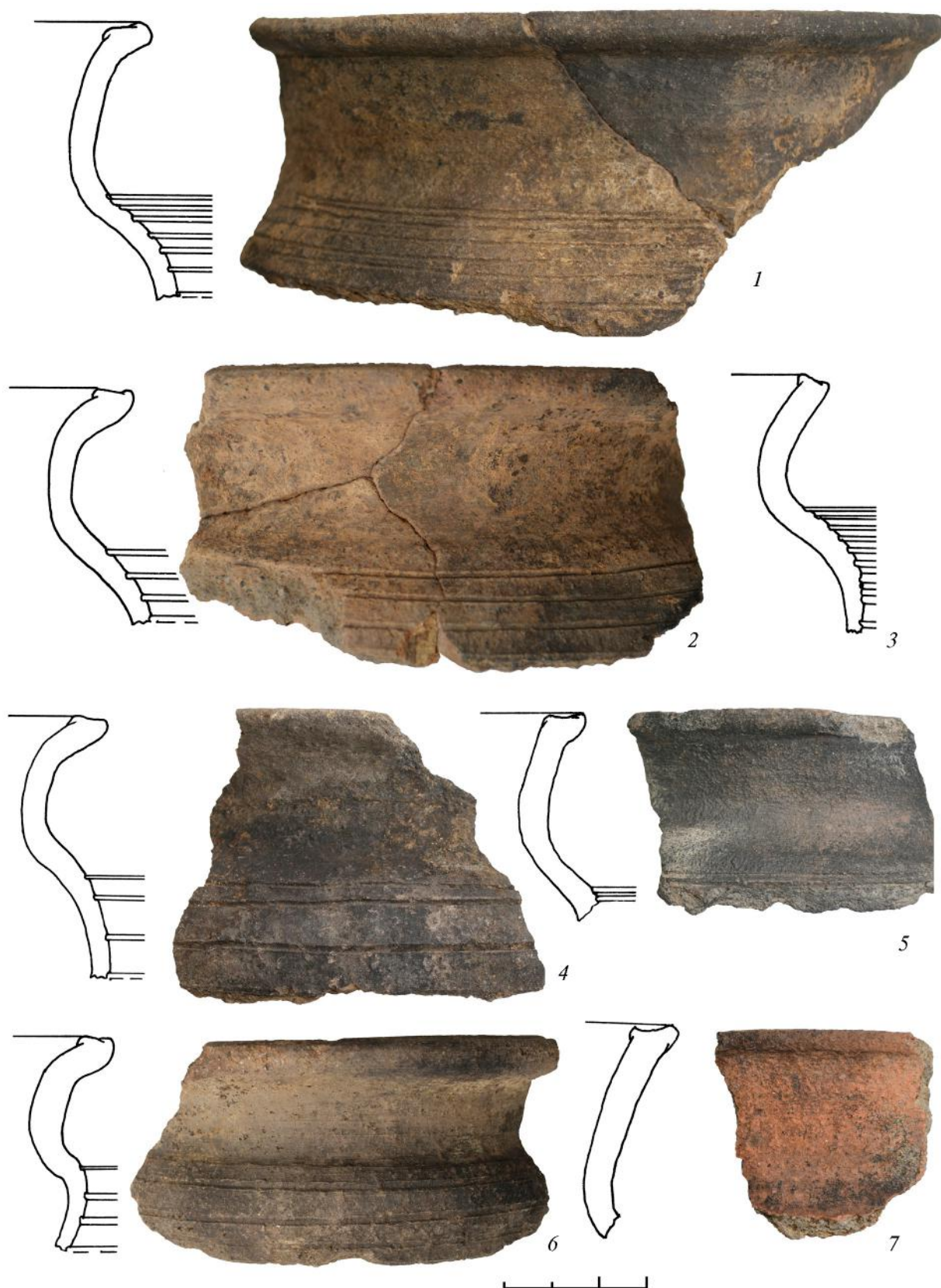

Рис. 8. Керамика из слоев и комплексов домонгольской эпохи: венчики горшков типа 1.

Fig. 8. Pottery from the Pre-Mongolian layers and complexes: rims of the pots of type 1

Они хорошо согласуются с датировкой вещевых находок и керамики. Стоит отметить, что по образцам органики из древнейшего горизонта р. 2 на подоле Кремля ранее были получены более поздние даты (1216–1260 AD, калибровка 1σ: Кренке и др., 2016. С. 109–113), которые, очевидно, должны быть интерпретированы как свидетельство неодновременности освоения этих двух участков.

Итак, в раскопах на месте корпуса № 14 впервые после 1959 г. на вершине Кремлевского холма каноническими археологическими методами исследованы участки с культурным слоем XII–XIII вв. и документированы стратиграфия, элементы застройки и сооружения домонгольского времени. Застройка этой территории началась в последней трети XII – начале XIII в. Характер археологических остатков, зафиксированных на этом участке, – с небольшой мощностью культурного слоя, материковыми выбросами и глубокими котлованами подполий – обычен для многих городов Северо-Восточной Руси (в том числе, Суздаля и Владимира). В Кремле котлованы подполий столь раннего времени документировались при наблюдениях, но не вскрывались в режиме раскопок. Близкое соседство двух котлованов (я. 33 и 50), вероятно, отражает их принадлежность одной большой двухчастной постройке. Подобное парное расположение котлованов неоднократно документировано во Владимире, Суздале и на некоторых селищах. Котлованы, как и фрагменты частокольных канавок, – свидетельство существования на кремлевском холме в начале XIII в. достаточно плотной застройки. Постройки с глубокими подпольями подквадратной формы нельзя считать специфическим элементом домостроительства социальной элиты или усадеб горожан. Они известны, например, на селищах Суздальского Ополя (Кибол 5, Вась 5). В то же время это, безусловно, один из значимых элементов древнерусской культуры, характеризующий стиль жизни более состоятельной и активной части общества, выступавшей проводником общедревнерусских традиций.

Количество и ассортимент вещевых находок, происходивших из горизонта домонгольского времени, кажутся скромными, особенно если учесть, что на участке корпуса № 14 были найдены два кремлевских клада – самые яркие находки, связанные с историей ранней Москвы. Однако в коллекции присутствуют некоторые редкие

предметы, характерные более для городов, чем для негородских поселений (литейная форма с надписью, фрагменты амфор и стеклянных сосудов, стиль для письма, хотя, как показывают полевые работы последних лет, стили встречаются и на селищах); выявлены следы ювелирного производства; зафиксирована исключительно высокая концентрация стеклянных браслетов. Вещевые материалы и сооружения из раскопок в подвалах корпуса № 14 открывают присутствие в ранней Москве некоторых ярких компонентов общедревнерусской культуры и документируют их в целостном поселенческом контексте.

Сравнительные материалы других городов Северо-Восточной Руси, вместе с материалами новых раскопок в Кремле, позволяют прояснить вопрос о месте Москвы в иерархии городских центров XII–XIII вв. Размеры городских территорий XII–XIII вв., защищенных оборонительными сооружениями, уточнены новейшими обследованиями (Макаров, 2017). Размеры укрепленных поселений сильно варьируют. Для реконструкции иерархии городских поселений существенно, что на землях Северо-Восточной Руси существовали очень небольшие поселения с укрепленной площадью в 2–4 га, к которым применялся термин “города” (Ярополчь, Гороховец, Осовец, Клещин, Мстиславль, Дубна, Стародуб), и более крупные городские центры, крепости которых занимали площадь 7–9.5 га (Дмитров, Юрьев-Польский). Укрепления Москвы начала XIII в., если признать существование оборонительных сооружений этого времени к востоку от исследованного участка, охватывали площадь в 14 га (Панова, 2013. С. 73), т.е. заметно превосходили крепости в Дмитрове и Юрьеве, построенные Юрием Владимировичем Долгоруким. Хотя точные размеры и планировка первоначальной крепости на Кремлевском холме по-прежнему не установлены, накопленные археологические материалы позволяют полагать, что Москва с самого начала своего существования занимала более высокое иерархическое положение, чем крепости площадью 2–4 га, и закладывалась как достаточно крупный город.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016. 126 с.
- Кренке Н.А. Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 12). 523 с.
- Кренке Н.А., Глазунова О.Н., Ершов И.Н., Олейников О.М. Стратиграфический раскоп на подоле Московского Кремля // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 107–126.
- Макаров Н.А. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий // РА. 2017. № 4. С. 34–44.
- Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 7–27.
- Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013. 406 с.
- ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись по Синодальному списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1841. 308 с.
- ПСРЛ. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 345 с.
- ПСРЛ. Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.
- ПСРЛ. Т. XVIII: Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М. Александрова, 1913. 316 с.
- ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Вып. 1. Пг.: Б.и., 1922. 216 с.
- Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. С. 7–13.
- Столярова Е.К., Коваль В.Ю. Стекланные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // КСИА. 2017. Вып. 249. С. 86–94.
- Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля / Ред. Н.Н. Воронин, М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1971 (МИА; № 167; Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 4). С. 117–153.

EXCAVATIONS IN THE EASTERN PART OF THE MOSCOW KREMLIN IN THE FRAMEWORK OF STUDYING TOWNS OF NORTH-EAST RUS OF THE 12th–13th CENTURIES

Nikolay A. Makarov*, Asya V. Engovatova**, Vladimir Yu. Koval***,
Roman N. Modin****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: nmakarov10@yandex.ru

** E-mail: engov@mail.ru

*** E-mail: kovaloka@mail.ru

**** E-mail: modin.roman@mail.ru

The article presents the stratigraphy of the research area at the site of demolished building № 14 of the Moscow Kremlin, where the building horizon of the original Miracle of Archangel Michael Cathedral at Chonae built in 1365 was discovered. Of particular interest are the ancient strata of this site dating back to the Pre-Mongolian time. The dating is based on a representative series of radiocarbon dates, characteristic finds of objects, including glass bracelets, and mass ceramic material. Large pits from the cellars marking the urban development of the late 12th c. in this part of the Kremlin are also attributed to the Pre-Mongolian period. A conclusion was drawn about the initially high status of Moscow in comparison with other non-capital towns of North-Eastern Russia of the 12th–13th centuries.

Keywords: Moscow Kremlin, medieval towns, the Chudov/ Archangel Michael Monastery, the archaeology of Pre-Mongolian Moscow, glass bracelets, radiocarbon dating.

REFERENCES

- Gaydukov P.G., 1993. Mednyye russkiye monety kontsa XIV–XVI vv. [The Russian copper of the late 14th – 16th centuries]. Moscow: Nauka. 304 p.
- Koval' V. Yu U., 2010. Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII vv. [Eastern pottery in Rus of 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Koval' V. Yu., 2016. Primary documentation of mass ceramic material on the monuments of the Middle Ages and Early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Methods of the field archaeological investigations], 9. Moscow: IA RAN. 126 p. (In Russ.)
- Krenke N.A., 2009. Arkheologiya Romanova dvora: Predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Archaeology

- of Romanov Yard: Prehistory and history of Moscow center in 12th – 19th centuries]. Moscow: IA RAN. 523 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 12).
- Krenke N.A., Glazunova O.N., Ershov I.N., Oleynikov O.M., 2016. Stratigraphic excavation on Podol of the Moscow Kremlin. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 243, pp. 107–126. (In Russ.)
- Makarov N.A., 2017. Urbanization of northeast Rus in the 11th – the first half of the 13th century AD: the size of settlements. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 34–44. (In Russ.)
- Makarov N.A., Engovatova A.V., Koval' V. Yu., 2017. Archaeological investigations in the east part of the Moscow Kremlin in 2014–2016. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 246, pp. 7–27. (In Russ.)
- Panova T.D., 2013. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII – pervoy treti XVI veka [Historical and social topography of the Moscow Kremlin in the middle 12th – first third 16th century]. Moscow: TAUS. 406 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], III. Novgorodskaya pervaya letopis' po Sinodal'nomu spisku [Novgorod first chronicle according to the Synodal list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1841. 308 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], VII. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Chronicle according to the Resurrection monastery list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1856. 345 s.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], VIII. Prodolzheniye letopisi po Voskresenskomu spisku [Chronicle according to the Resurrection monastery list. The continuation]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 301 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], XVIII. Simeonovskaya letopis' [Chronicle named after Nikifor Simeon]. St. Petersburg: Tipografiya M. Aleksandrova, 1913. 316 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], XV. Rogozhskiy letopisets [The Rogozhskiy Records], 1. Petrograd, 1922. 216 p.
- Ravdina T.V., 1991. Pottery from the dated burials in the mounds of Moscow region. *Moskovskaya keramika: Novyye dannyye po khronologii* [Moscow pottery: new data on chronology]. Moscow: IA RAN, 7–13. (In Russ.)
- Shelyapina N.S., 1971. Archaeological works in the Moscow Kremlin in 1963–1965. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya* [The Antiquities of the Moscow Kremlin]. N.N. Voronin, M.G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 117–153. (MIA, 167.) (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy, 4). (In Russ.)
- Stolyarova E.K., Koval' V. Yu., 2017. Glass bracelets of the eastern part of the Moscow Kremlin (preliminary results of 2016 works). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 249, pt. II, 86–94. (In Russ.)